

Иллюзионистская теория сознания как развитие теории тождества ментального и физического*

Горбачев Максим Дмитриевич – аспирант, стажер-исследователь. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; e-mail: mgorbachev@hse.ru

Несколько лет назад в философии сознания появилась иллюзионистская теория сознания, которая делает неожиданное утверждение – феноменального сознания на самом деле нет, оно иллюзорно. И иллюзия эта создается в ходе искажения интроспекцией физических процессов в мозге, которые из-за этого представляются нам особенными феноменальными свойствами. Однако не менее сильная форма физикализма в философии сознания уже появлялась более пятидесяти лет назад – теория тождества ментального и физического. Более того, сторонники иллюзионизма и сами признают свою связь с теоретиками тождества. В результате возникает резонный вопрос, не является ли иллюзионизм просто современной адаптацией теории тождества, а не новой самостоятельной теорией. Этому вопросу посвящена настоящая статья. Сначала автор представляет обе теории, фокусируясь на их ключевых положениях, аргументах и преимуществах, описываемых последователями соответствующих теорий. Затем автор проводит сравнение, выделяя общие для подходов места и различия. Среди первых отмечаются следующие: физикалистский дух обеих теорий; отрицание ими существования особых ментальных свойств, метафизически отличных от физических; аргументация в пользу прагматической привлекательности теории; отставание своих ключевых тезисов как в первую очередь гипотез, которые могут оказаться верны; схожая стратегия объяснения ошибки, в результате которой мы приходим к выводу о существовании ментального. Однако автор указывает и на ряд серьезных отличий: разное отношение к возможности нейтральной формулировки содержания свойств опыта; различия в видении содержания проблемы соотношения сознания-тела; иллюзионистское отрицание реального референта языка феноменальности; разработка понятия иллюзии, влекущего за собой ряд новых решений и проблем; большая в сравнении с теорией тождества эпистемологическая нагруженность основных аргументов иллюзионизма. В результате автор приходит к выводу, что, несмотря на то, что значительная часть содержания теорий совпадает, иллюзионизм обладает рядом ключевых отличий. Это свидетельствует, с одной стороны, об умелом использовании прошлых достижений физикалистски ориентированной философии сознания, а с другой, о принципиальной новизне и самостоятельности иллюзионизма.

Ключевые слова: философия сознания, физикализм, теория тождества, иллюзионизм, феноменальное сознание, трудная проблема сознания

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ILLUSIONIST THEORY OF CONSCIOUSNESS AS A DEVELOPMENT OF IDENTITY THEORY OF THE MENTAL AND THE PHYSICAL

Maxim D. Gorbachev –
Graduate Student,
Research Assistant.
HSE University,
21/4 Staraya Basmannaya St.,
Moscow 105066,
Russian Federation;
e-mail: mgorbachev@hse.ru

A few years ago, an illusionist theory of consciousness appeared in the philosophy of consciousness. It makes an unexpected statement – there is actually no phenomenal consciousness, it is illusory. This illusion is created introspective distortion of physical processes in the brain, which seem to us to have special phenomenal properties. However, an equally strong form of physicalism in the philosophy of consciousness has already appeared more than fifty years ago – identity theory of the mental and physical. Moreover, the proponents of illusionism themselves admit their connection with the identity theorists. As a result, it is reasonable to ask whether illusionism is simply a modern adaptation of the identity theory, and not a new independent theory. This article is devoted to this issue. First, the author presents both theories, focusing on their key statements, arguments and advantages described by the followers of the respective approaches. Then the author makes a comparison, highlighting common places and differences for the approaches. Among the former, the following are noted: the physicalist spirit of both theories; their denial of the existence of a special mental properties metaphysically different from physical ones; argumentation in favor of the pragmatic attractiveness of a theory; defending their key theses as primarily hypotheses that may turn out to be true; a similar strategy for explaining the error, as a result of which we come to the conclusion about the existence of the mental. However, the author also points out a number of serious differences: different attitudes to the possibility of neutral notion for properties of experience; differences in the vision of the content of the mind-body problem; illusionist denial of the real referent of the language of phenomenality; the development of the concept of illusion, which entails a number of new solutions and problems; the epistemological significance of the main arguments of illusionism is more influential in comparison with identity theory. As a result, the author comes to the conclusion that, despite the fact that a significant part of the content of the theories coincides, illusionism has a number of key differences. This testifies, on the one hand, to the skillful use of past achievements of the physicalist-oriented philosophy of consciousness, and, on the other, to the fundamental novelty and independence of illusionism.

Keywords: philosophy of mind, physicalism, identity theory, illusionism, phenomenal consciousness, hard problem of consciousness

Введение

В философии достаточно примеров, когда то, что, казалось бы, стало философской классикой и историей, вновь обретало актуальность и получало вторую жизнь. Можно вспомнить знаменитый неокантианский лозунг Отто Либмана «Назад к Канту». А что-то никогда не теряло своей актуальности – не случайно Альфред Уайтхед считал западную философию заметками на полях сочинений Платона. В настоящей статье я обращусь к еще одному примеру, когда хорошо известные идеи способствуют возникновению новых решений, проблем и теорий – истории появления современной иллюзионистской теории сознания на базе теории тождества, согласно которой ментальное тождественно физическому. Однако предстоит проверить, можно ли считать иллюзионизм действительно новой самостоятельной теорией, требующей нового анализа, учитываяая то, насколько на него повлияла теория тождества.

В первой части я познакомлю читателя с теорией тождества – обозначу некоторые основные тексты авторов, причастных к ее разработке, и подробнее остановлюсь на ее основных положениях. Затем я представлю иллюзионистскую теорию сознания и также приведу ее ключевые положения. В третьем разделе я остановлюсь на том, почему, с одной стороны, можно считать иллюзионизм во многом вдохновленным теорией тождества, а с другой, он является не просто той же концепцией, представленной в новом виде, а самостоятельным, новым подходом.

Теория тождества

Впервые основная идея теории тождества ментального и физического прозвучала в тексте Морица Шлика, изданном в 1918 г. [Schlick, 1974]. Согласно Шлику, отношением между непосредственно переживаемой реальностью и процессами в мозге является не каузальная зависимость, а простое тождество [Ibid.]. Затем в первой половине XX в. американский психолог Эдвин Боринг предлагает теорию тождества сознания и физических процессов в мозге [Boring, 1933]. Однако тот вид, в котором она станет известна широкому кругу исследователей и в котором она будет поддерживать физикалистски настроенной частью философов, теория тождества примет позднее, в 50-х гг. Хотя уже у Боринга встречаются и общие, и частные утверждения, которые в конечном счете можно будет встретить и у классических теоретиков тождества. Так, например, Боринг предлагал весьма специфический взгляд на тождество. Он полагал, что идеальной

корреляции достаточно для утверждения тождества [Boring, 1933, p. 16]. Иными словами, два события, которые всегда возникают вместе, в одно и то же время, в одном и том же месте и которые нельзя различить ни пространственно, ни темпорально, на самом деле не два события, а одно [Ibid.]. Конечно, в этом суждении есть сразу несколько спорных моментов, которые бросаются в глаза. Во-первых, сам тезис об идентичности ситуации тождества идеальной корреляции выглядит основанным на прагматических следствиях принятия такой позиции (например, считать превосходно коррелирующие события тождественными просто удобно и экономно), которых недостаточно для сильного онтологического утверждения о тождестве ментального и физического. Во-вторых, сказать, что процессы в мозге происходят в том же месте, что и ментальные события, будет предвосхищением заключения (*begging the question*), поскольку это верно лишь в том случае, если мы соглашаемся с основным тезисом теории тождества Боринга. И, в-третьих, строго говоря, эти два типа событий не совершенно неразличимы темпорально, поскольку существует задержка между возникновением некоего физического процесса в теле и осведомленностью о нем. (Можно вспомнить эксперименты Бенджамина Либета [Libet, 1999] или просто учесть скорость распространения сигнала в нервной системе.)

Однако даже один из самых известных разработчиков теории тождества – Уиллин Плейс – согласился позднее с Борингом [Place, 1990], хотя, по его словам, в первых работах, где представил свою теорию тождества, был, скорее, скептичен по отношению к корреляции как основанию утверждения тождества (есть много примеров корреляции без тождества, как в случае с приливами и положением Луны, считал он [Place, 1956], хотя в работе 1990 г. и признал, что это просто не случай идеальной корреляции Боринга [Place, 1990]), и отдавал предпочтение объяснительному критерию¹. Он отметил при этом, что «идеальная корреляция» Боринга может служить основанием утверждения тождества, если речь идет о корреляции типов событий, так как трудно, если вообще возможно, представить эмпирическое открытие такой корреляции между токеном конкретного нейронного состояния и психическим событием [Ibid., p. 27]. При этом отмечу, что я допускаю возможность трактовать «раннего» Плейса как уже склонного смешивать тождество и корреляцию. Тем не менее эти детали сейчас не столь интересны, ведь то, что сегодня понимается под теорией тождества в философии сознания, хотя и было вдохновлено работами Боринга и Шлика, появляется несколько позже. Как утверждает Плейс (вскоре Джон Сمارт, также

¹ В случае ментального и физического критерий заключался в том, что процессы, наблюдаемые в мозге, должны дать нам объяснение самого факта наличия ментальных событий [Place, 1960].

разрабатывавший теорию тождества, назовет родоначальником этого подхода именно его [Smart, 1959]), Герберт Фейгл первый подхватил идею Боринга [Place, 1990]. В своей статье [Feigl, 1950] он выразил симпатии к теории Боринга, а позже назвал себя ее сторонником [Feigl, 1958]. Тем не менее сейчас принято выделять как минимум два различных проекта теории тождества: австрийский проект Шлика – Фейгла и австралийский вариант Плэйса – Смарта – Армстронга. Оба проекта в своем ядре являются теориями тождества и обладают существенными сходными чертами: они решают проблему соотношения сознания и тела, исходя из физикалистских интуиций, приписывая им контингентное тождество. Однако они обладают и значимыми расхождениями. Так, например, Леопольд Штубенберг указывает, что для австрийского проекта тело является наиболее проблемной для утверждения тождества частью интересующей теоретиков тождества пары, а для австралийского – сознание [Stubenberg, 1997, p. 129]. Кроме того, Фейгл в отличие от разработчиков австралийского варианта теории, как считает Штубенберг, не элиминирует проблемные свойства нашего опыта, а переносит их в область ментального [Ibid., p. 136].

Хотя с теорией Фейгла не все так однозначно, и до сих пор остается проблемой то, как можно совместить, с одной стороны, его стандартные для физикалистской теории тождества утверждения, а с другой – те места, где он приоритизирует ментальную реальность и говорит о существовании сырых ощущений (квалиа) [Crawford, 2013]. Ведь при совмещении подобных утверждений подход рискует либо оказаться непоследовательным, либо, избегая этого, превратиться в вариацию, лишь внешне отличающуюся от австралийской. Однако эту проблему не нужно решать в рамках задач настоящей статьи (да и одной статьи может быть недостаточно), где теория тождества рассматривается как в первую очередь фундамент другой теории – иллюзионизма.

Более того, оба проекта все же рассматриваются как случаи физикалистской теории тождества во многом с общими корнями, с чем согласны и сами представители этих проектов, как было указано выше. Поэтому далее, рассматривая теорию тождества как предвестницу иллюзионизма, я буду концентрироваться именно на таких общих для ее вариаций моментах. А для более детального ознакомления с различиями австрийского и австралийского проектов отсылаю к работам Штубенберга и Шона Кроуфорда, которые вместе прекрасно, на мой взгляд, демонстрируют основания и проблемы выделения двух версий теории тождества.

Итак, последователи теории тождества в прямом смысле утверждали, что то, что мы называем ментальными процессами, событиями или свойствами, на самом деле является физическими процессами в мозге. Иными словами, есть не две различные субстанции,

а одна. В этом теоретики тождества гораздо более категоричны, чем, например, Аристотель или Кант, который, по словам Фейгла, был близок к тому, чтобы сказать, что содержанию нашего опыта соответствуют процессы в мозге [Feigl, 1958]. Однако именно в такой категоричности они видели одну из своих сильных сторон, поскольку их подход не требовал создания некоего нейтрального «третьего» термина – хорошо знакомые физические свойства и процессы выполняли всю работу, для которой противники теории тождества предлагали вторую субстанцию [Ibid.]. В этом плане теория тождества была и остается (пусть и не без новых проблем и вызовов) онтологически экономичной. Интересно еще и то, что, в частности, Плейс считал теорию тождества не противоречащей одной из главных альтернатив XX в. дуалистическому взгляду на сознание – философскому бихевиоризму [Кузнецов, Секацкая, 2018, с. 182].

При этом ее приверженцы понимали, что способ нашего описания физической реальности и того, что сейчас принято называть «феноменальным опытом», серьезно отличаются. Может показаться контринтуитивным утверждение теоретиков тождества, что мои убеждения, желания [Armstrong, 2022] или, например, радость вкусному супу на самом деле является физическим процессом в моем мозге – не соответствует ему (что оставляет возможность для параллелизма двух разных типов свойств), а буквально им является. В качестве прояснения Плейс, например, говорил об облаке: издали мы описываем его как облако и не можем наблюдать, что оно состоит из множества мелких частиц; но, будучи внутри облака, мы бы наблюдали и описывали его именно как множество этих частиц, потеряв при этом возможность описания его как облака [Place, 1956, p. 47]. Все дело в том, что облако является группой множества частиц и ничем более [Ibid., p. 45]. Именно поэтому одно из указываемых теоретиками тождества преимуществ этого подхода – экономичность – относится скорее к метафизике, а не к концептам, как ожидал Джеквон Ким [Kim, 1966]. Теория тождества предполагает не отказ от разных языков описания, а отказ от расширения метафизики из-за одного из этих языков. Как и в случае с облаком, мы можем описывать физические процессы в мозге на языке феноменальных свойств, но это не значит, что такое описание вызвано свойствами, принципиально отличными от физических. Не исключено – скажут теоретики тождества, – что этот язык навеян нашей перспективой.

В качестве причины того, что центральный тезис сторонников теории тождества ментального и физического кажется контринтуитивным, Плейс указывал на «феноменологическую ошибку» [Place, 1956]. Она заключается в предположении, что, когда мы описываем свой опыт и то, как вещи для нас выглядят, звучат, пахнут, мы буквально описываем свойства объектов и событий, представленных

нам на особом внутреннем экране [Place, 1956]. То есть мы делаем предположение, что, когда «испытуемый сообщает о зеленом остаточном изображении, он утверждает, что внутри него находится объект, который в буквальном смысле является зеленым» [Ibid.]. В результате нам кажется, что содержание нашего опыта не может быть процессом в мозге, потому что эти нейронные процессы не могут быть зелеными, сладкими или страшными.

Еще одна важная особенность теории тождества – отсутствие метафизической необходимости идентичности ментального и физического [Lewis, 1966]. Главный тезис такого подхода основывается на том, что функциональное и психологическое содержание ментальных состояний не исключает возможности того, что они реализованы набором нейрофизиологических систем [Enc, 1983, p. 293]. Поэтому, как считает Берент Энч, любые логические возражения против утверждения «сознание – это процесс в мозге» не лучше, чем такие возражения против тезиса «молния – это движение электрических зарядов» [Ibid.].

Конечно, у теории тождества было немало затруднений. Так, например, можно указать на проблему верифицируемости ее основного положения, в чем она, в том числе, по мнению Вадима Васильева, разделяет проблему дуалистов, чей тезис о существовании отдельной субстанции для сознания также трудно верифицировать [Васильев и др., 2021, с. 8; Васильев, 2021, с. 115]. Однако в настоящем тексте я не буду останавливаться на том, насколько правдоподобен этот подход. Как я указывал в начале, в этой части я попытался лишь представить теорию тождества так, как это могли бы сделать ее сторонники. Теперь же, перед выяснением того, может ли иллюзионизм считаться самостоятельным подходом – пусть и вдохновленным теорией тождества, – перехожу к представлению иллюзионистской теории сознания.

Иллюзионизм

Иллюзионизм в философии сознания имеет долгую историю, и своими корнями он уходит еще в теорию тождества. Во многом вдохновителем иллюзионизма стал Дэниел Деннет; сейчас он является одним из самых влиятельных сторонников этого подхода. Но, строго говоря, иллюзионистская теория сознания была сформулирована Китом Фрэнкишем в 2016 г. в статье «Иллюзионизм как теория сознания» [Frankish, 2016].

Иллюционисты предлагают альтернативу реалистическому объяснению аномальности феноменального сознания. Под феноменальным сознанием обычно понимают то, что придает нашему опыту качественный характер и благодаря чему испытывать опыт «каково-то». Именно феноменальное сознание, по мнению Дэвида Чалмерса,

ставит перед нами трудную проблему [Chalmers, 1997]. Радикальные реалисты (например, Чалмерс [Ibid.], Гален Стросон [Strawson, 2006], Филип Гофф [Goff, 2017]) следуют по пути радикальных изменений в научной картине мира, вводя особые нефизические феноменальные свойства; консервативные реалисты скажут, что феноменальность реальна, но имеет физическую природу (например, Питер Каррутерс [Carruthers, 2003] или Дэвид Папино [Papineau, 2002]). Однако иллюзионисты считают, что в последнем случае нельзя быть последовательным: вы либо вынуждены совершить переход к радикальному реализму, либо становитесь иллюзионистом и утверждаете, что нам только кажется, что есть особые феноменальные свойства, хотя на самом деле их нет [Frankish, 2016]. Последователи иллюзионистской теории сознания подчеркивают, что их подход нельзя назвать элиминативизмом или ирреализмом [Ibid.]. Во-первых, феноменальное сознание – это не просто теоретическая ошибка, а следствие работы интроспективных механизмов, в силу чего иллюзия феноменальности весьма устойчива. Эти механизмы могут быть, например, результатом эволюции [Humphrey, 2011]. Интроспекция в ходе репрезентации искажает данные, представляя сложные физические процессы как простые феноменальные свойства или «каково-это» опыта. Во-вторых, иллюзия феноменальности в отличие от самой феноменальности реальна и весьма эффективна, поскольку влияет на наши убеждения и поведение. Таким образом, вместо феноменальных свойств или квалиа иллюзионисты предлагают квази-феноменальные свойства, которые лишь кажутся феноменальными, но не являются таковыми на самом деле. А трудную проблему сознания они заменяют проблемой иллюзии, которая заключается в необходимости объяснить, почему возникает иллюзия феноменальности (в силу каких физических процессов) и почему она так устойчива [Frankish, 2016].

Соответственно, одним из центральных тезисов иллюзионистов является гипотеза об искажающей интроспекции. Так, Деннет демонстрирует, что у нас нет особого привилегированного доступа к тому, что называют «квалиа» [Dennett, 1988; Dennett 2005]. На отсутствие непосредственного доступа к ментальным состояниям указывали также Розлин Рей [Rey, 1995] или Дерк Перебум [Pereboom, 2011], который считает, что интроспекция может повсеместно искажать данные опыта так же, как наше восприятие систематически представляет объекты как обладающие цветом. При этом иллюзионисты не утверждают, что наш сознательный опыт иллюзорен или что его нет. Отрицание существования направлено именно на квалиа, имеющие нефизическую природу и, таким образом, требующие расширения метафизики [Frankish, 2022].

Такая экономичность – одно из преимуществ подхода, на которые обычно указывают его сторонники. Если, как считает Чалмерс,

в философии сознания мы вынуждены выбирать между плохими и очень плохими решениями, то, скажут иллюзионисты, любая форма радикального реализма – пример последнего. Главным образом они убеждены в этом потому, что считают важным сохранить предлагаемую наукой картину мира. Если же придерживаться реалистической позиции, то мы сталкиваемся с мистическими свойствами, которые недоступны с перспективы третьего лица – следовательно, и науке. Для иллюзионистов также принципиально важно сохранить возможность науки о сознании. Для реалистов же сознание ставит перед нами трудную проблему именно потому, что мы даже не знаем, в каком направлении нужно двигаться для ее решения (т.е. методы современной науки для этого не подходят).

Эти соображения напрямую связаны с еще одним преимуществом иллюзионизма, о котором часто говорят приверженцы этой теории сознания, – объяснительным потенциалом. Так, в отличие от реализма иллюзионизм предлагает программу исследования сознания. Она направлена на решение упомянутой проблемы иллюзии и включает в себя привлечение нейронаук и гетерофеноменологического метода, предложенного еще Деннетом [Dennett, 2005]. Последний представляет собой коллективную феноменологию, где отчеты испытуемых могут и должны быть проверены и описаны учеными. Такая комбинация основывается как раз на предположении иллюзионистов об отсутствии таких свойств, которые были бы принципиально недоступны внешнему наблюдателю.

Отсюда возникает и знаменитый ответ на не менее знаменитый джексоновский аргумент знания, связанный с мысленным экспериментом о нейроученой Мэри [Jackson, 1986].

«Мэри заперта в черно-белой комнате, получает образование по черно-белым книгам, а лекции транслируются по черно-белому телевидению. Таким образом, она узнает все, что нужно знать о физической природе мира. Она знает все физические факты о нас и нашем окружении в широком смысле слова “физическое”, которое включает в себя все, что есть в завершенной физике, химии и нейрофизиологии, и все, что нужно знать о причинно-следственных связях, вытекающих из всего этого...»² [Ibid.].

Если физикализм верен, то Мэри будет обладать полным знанием в том числе о цвете, но, выйдя из комнаты и увидев мир в цвете, Мэри, по мнению Фрэнка Джексона, получит новое знание, ведь она при всей полноте физической информации не знала до этого, «каково» видеть тот или иной цвет. Значит, знание о физических фактах не исчерпывает все возможное знание, и резонно заключить, что есть свойства, отличные от физических. Однако иллюзионисты ответят, что Джексон просто ошибся – на самом деле Мэри будет знать,

² Перевод мой. – М.Г.

каково видеть цвета. Да, описание того, какво видеть цвет, может быть гораздо больше и сложнее описания пейзажа, но это не значит, что оно невозможно, ведь нам просто сложно представить, что значит обладать всей физической информацией [Dennett, 2005]. Отмечу, что, по словам Фрэнкиша³, иллюзионисты не отрицают, что у Мэри будет новый опыт, которого не было прежде; но она при этом не узнает ничего нового. Выйдя из комнаты и оказавшись в цветном мире, Мэри скажет: «Да, это именно то, что я себе представляла». Так же как мы не удивимся, если нас приведут в комнату, детальное описание которой мы только что прочитали. «Да, именно так я себе ее и представлял», – скажем мы.

С подобным пассажем и объяснительными преимуществами иллюзионизма связан еще один аргумент, используемый его сторонниками – развенчивающий аргумент (англ. *debunking argument*). Он гласит, что, если мы можем объяснить все наши убеждения о феноменальном сознании, не обращаясь к нему, у нас нет оснований считать, что оно существует – так же как нет оснований верить, что существует НЛО, если мы можем объяснить все убеждения на этот счет игрой света, ракурсом и т.д. [Chalmers, 2020]. Хотя реалисты уже придумали простой ответ на него: хотя мы и можем объяснить наши убеждения и данные опыта, не прибегая к феноменальным свойствам, на самом деле именно они ответственны за реализацию сознательных процессов [Ibid.].

Но такие ответы не устраивают иллюзионистов, поскольку основаны на неспособности последних доказать невозможность существования феноменальных свойств. Именно поэтому, кстати говоря, одна из основных целей сторонников иллюзионизма в дискуссии с реалистами – показать, что иллюзионизм может быть верен. В то время как реалисты отрицают саму возможность этого. Но делают это большой ценой, ведь рискуют создать из квалиа некие сущности, эффект и существование которых мы даже не можем проверить [Frankish, 2016].

Конечно, иллюзионизм не лишен и ряда проблем. Так, например, помимо поставленной самими иллюзионистами проблемы иллюзии (в решении которой они пока не продвинулись), стоит обозначить, во-первых, трудности, связанные с верифицируемостью их тезиса о несуществовании нефизического. Да, эта проблема аналогична и для реалистов, которым нужно доказать его существование. Тем не менее последние могут требовать такой верификации от иллюзионистов. Во-вторых, иллюзионистов обвиняют в том, что они сами создают философское пугало квалиа, которое потом разрушают [Nida-Rümelin, 2016], или в том, что, пытаясь отрицать квалиа, они либо вынуждены их постулировать, либо рискуют отрицать

³ В личной беседе.

существование вообще всего [Brown, 2022]. Хотя в первом случае иллюзионисты готовы отрицать любое метафизически нагруженное предложенное им понятие квалиа, а во втором обвинят противников в том, что они ошибочно полагают, что можно предложить метафизически нейтральное понятие квалиа, которое бы описывало лишь очевидность нашего опыта [Frankish, 2012]. Кроме того, важен все еще не решенный вопрос о соотношении роли концептуализации в возникновении иллюзии, ведь от того, насколько она связана с применением теоретических рамок или случайных способов концептуализации, зависит и то, насколько реалистам будет сложно согласиться с возможностью ошибки [Горбачев, 2023, с. 24]. Ведь признать, что мы можем ошибаться из-за неверной интерпретации опыта, гораздо проще, чем признать ошибку, встроенную в сам опыт. И хотя все эти вопросы все еще обсуждаются, одним из главных вызовов для иллюзионизма является метапроблема иллюзии [Kammerer, 2018; Kammerer, 2021] – необходимость объяснения того, почему иллюзионистская теория кажется нам контринтуитивной. Однако стоит учитывать, что отчасти это часть уже упомянутой проблемы иллюзии, которая также заключается в объяснении силы и эффективности иллюзии феноменальности. Кроме того, сам тезис о контринтуитивности все еще требует разработки, ведь часто исследования, направленные на исследования интуиций о феноменальном сознании, дают противоположные результаты (см. [Gregory, Hendrickx & Turner, 2022; Diaz, 2021]).

Итак, я постарался кратко представить иллюзионистскую теорию сознания. Конечно, это можно сделать более подробно, но цель статьи – не обзор теории тождества и иллюзионизма, а демонстрация преемственности последнего, с одной стороны, и его самостоятельности – с другой.

Новая теория?

Без труда можно было заметить некоторые сходства теории тождества и иллюзионизма. Многие из общих пунктов довольно явно прослеживаются, ведь даже человек, сформулировавший иллюзионистскую теорию сознания, на первых страницах соответствующей книги указывает на теорию тождества как один из подходов, оказавших влияние на его иллюзионизм [Frankish, 2017]. Тем не менее я хотел бы эксплицировать наиболее важные положения, присущие обеим теориям.

Во-первых, оба подхода представляют собой версии физикализма. Кроме того, я убежден, они являются и наиболее последовательными его версиями. Здесь я согласен с иллюзионистами в том, что

нельзя последовательно отстаивать консервативный реализм в отношении феноменального сознания или то, что Фрэнкиш назвал слабым иллюзионизмом [Frankish, 2016], который признает, что некоторые из характеристик квалиа (субъективность, внутренняя присущность, невыразимость, непосредственная данность и безошибочность [Lewis, 1956]) иллюзорны, но сами феноменальные свойства все же реальны. Сторонники таких подходов будут вынуждены либо отойти на позиции радикального реализма, если захотят сохранить реальность феноменального сознания; либо стать сильными иллюзионистами, поскольку феноменальность консервативных реалистов оказывается пустым понятием, недостаточным для того, чтобы считать его более чем иллюзией.

Во-вторых, одним из наиболее базовых положений и для иллюзионизма, и для теории тождества является утверждение тождества ментального и физического в том смысле, что ментальные состояния (для теоретиков тождества) или феноменальный опыт (для иллюзионистов) на самом деле являются физическими процессами в мозге, которые мы в силу ошибки считаем чем-то нефизическим. Хотя уже на этом этапе появляется разница в причине этой ошибки: для иллюзионизма это искажающее действие интроспекции, а для теории тождества – феноменологическая ошибка [Place, 1956, p. 44]. Несмотря на то, что иллюзионисты используют схожий аргумент (они называют его аргументом картезианского театра), они явно продвинулись дальше в отношении объяснения нашей ошибки. На этом я еще остановлюсь далее, когда буду рассматривать те отличия, которые делают иллюзионизм новой самостоятельной теорией.

В-третьих, обе теории во многом аргументируют свою привлекательность с прагматических позиций. К такому можно отнести и упомянутую экономичность – отсутствие необходимости расширять метафизику из-за особых нефизических ментальных/феноменальных состояний/свойств; и более ясные в отличие от нефизикалистских подходов перспективы исследования сознания. Если последние пока даже не знают, как может выглядеть наука о сознании и возможна ли она вообще, то последователи теории тождества и иллюзионизма уже на несколько шагов впереди в этом вопросе. Ведь для них наука о сознании почти ничем не отличается от других отраслей научного знания, занятых физической реальностью. Пожалуй, единственное серьезное отличие заключается в необходимости работы с отчетами людей о своих сознательных состояниях. В конце концов, иллюзионисты не утверждают, что Мэри могла бы знать, каково испытывать какой угодно опыт, если бы она не владела концептуальным аппаратом. Все же по условиям мысленного эксперимента она нейроученый. Таким образом, для обеих теорий свойственно также и указание на возможность изучения сознания с перспективы третьего лица, коллективно.

В-четвертых, как теоретики тождества, так и иллюзионисты не ставят себя в позицию знающих истину о сознании, а лишь предлагают правдоподобную гипотезу. Плэйс более пятидесяти лет назад писал, что тезис «сознание – это процесс в мозге» хотя и не является необходимо истинным, также не является необходимо ложным [Place, 1956, p. 44]. Для него это была в первую очередь обоснованная научная гипотеза, не являющаяся при этом ни противоречивой, ни самоочевидной [Ibid.]. Противники теории тождества, как правило, не пытались проверкой опровергнуть эту гипотезу (хотя здесь уместно вспомнить упомянутые проблемы с ее верификацией), а приводили аргументы, почему она просто не может оказаться верной. Современные иллюзионисты находятся в схожем положении. Критика со стороны реалистов обычно направлена на состоятельность ключевых положений иллюзионистов; они сомневаются, что эти положения в принципе могут быть верны. А иллюзионисты, как и когда-то теоретики тождества, защищают в первую очередь не истинность их тезисов, а возможность их истинности, хотя и осознают, что они могут казаться контринтуитивными из-за силы иллюзии феноменальности.

В-пятых, иллюзионистская теория сознания часто прибегает к схожим с теорией тождества ментального и физического аналогиям в поддержку своих утверждений. Так, сторонники обоих подходов используют образ внутреннего экрана для демонстрации причин ошибки противников [Енц, 1983]. Или проводят аналогии с неточностями и ошибками визуального опыта, который может давать нам искаженную или неполную информацию так же, как мы получаем ее о наших сознательных состояниях. Хотя иллюзионисты пользуются такими аналогиями гораздо чаще. Кроме того, вероятно, и те, и другие схожим образом могут ответить на аргумент зомби – аргумент против физикализма, согласно которому мы можем представить существ с идентичным нашему физическому строению, реакциями, но не обладающих феноменальным сознанием, из-за чего у них «темнота внутри» [Chalmers, 1995]. Хотя он появился позже теории тождества, последняя обладает всеми инструментами, чтобы последовать здесь за иллюзионизмом: на самом деле, поскольку то самое сознание и есть физические процессы, не так-то и просто представить существ, обладающих этими процессами, но не обладающих сознанием. Допускаю, что такой ход возможен даже без утверждения о необходимости психофизического тождества, как предлагает Дмитрий Иванов, рассматривая возможную критику теории в контексте крипкеанского взгляда на необходимость тождества [Иванов, 2011, с. 222]. Да, будет уместно сказать, что это следствие пока не доказанной гипотезы. Но важно, что представимость зомби и не опровергает эту гипотезу.

Как видно, оснований считать иллюзионизм теорией тождества в новой обертке можно найти достаточно. Однако я не стал бы делать

такой вывод, поскольку не меньше можно привести соображений и в пользу принципиальной новизны иллюзионистской теории. Как минимум некоторые из них я обозначу далее. Сразу отмечу, что эти соображения не призваны показать, что теория тождества устарела или менее предпочтительна, чем иллюзионизм. Главная задача – продемонстрировать новизну и самостоятельность иллюзионистского подхода. Да и сказать, что иллюзионизм заменил теорию тождества, также нельзя. Ведь, во-первых, многие физикалисты с опаской относятся к этому подходу. Например, Николас Хамфри, который, оставаясь физикалистом, изменил в угоду привлекательности своей позиции язык ее описания, адаптировав ряд феноменальных понятий и дав название «сюрреализм» [Humphrey, 2016]. Во-вторых, можно без труда найти недавние работы, разрабатывающие или защищающие именно теорию тождества (см. [Jackson, 2012; Gozzano, 2023; Galus, 2023]).

Начну с того, что, как бы тривиально это ни звучало, иллюзионизм – во многом ответ на поставленную Чалмерсом и поддерживаемую другими реалистами трудную проблему сознания. Конечно, мы можем увидеть ее корни в дискуссиях времен появления теории тождества и будем правы. Но с тем же успехом мы можем обратиться и к временам Декарта или еще раньше – к древним грекам. Ведь проблема соотношения сознания и тела – пусть и в иной форме – интересовала многих мыслителей. Такая преемственность никоим образом не умаляет последующие достижения философии, а наоборот – дает им точку опоры и позволяет не ходить теми же путями, что их предшественники, а искать новые проблемы и решения. Также и в случае дискуссии реалистов и иллюзионистов. Это новая дискуссия, со своими проблемами, понятийным аппаратом и аргументами. В частности, теоретики тождества точно не предлагали заменить трудную проблему проблемой иллюзии. Если они и использовали в текстах указание на нашу ошибку, когда нам кажется, что наши сознательные состояния – это некие непосредственно данные нефизические сущности, они ни в коем случае не говорили о концептуально нагруженном понятии иллюзии. В то время как иллюзия феноменальности – это гораздо более разработанное понятие, чем ошибка в рассуждении или просто кажимость. Это понятие предлагает новую исследовательскую программу. Новая она еще и за счет тех вызовов, на которые ей приходится отвечать, которые за пятьдесят с лишним лет также эволюционировали. Тем не менее рассмотренный довод взывает, скорее, к здравому смыслу, согласно с которым, по моему мнению, нельзя считать иллюзионизм недостаточно самостоятельным хотя бы в силу новых проблем, которые он решает, и, соответственно, новых предлагаемых по этому поводу решений. Теперь же я перейду к более определенным соображениям в пользу этой самостоятельности.

Во-первых (соображения приведены не в порядке значимости), иллюзионисты не приемлют нейтральной трактовки нефизических свойств, которые не тождественны состояниям мозга. Теоретики тождества могут предложить «нейтральные» свойства опыта, вероятно, чтобы избежать контринтуитивности некоторых из своих положений [Enç, 1983]. Иллюзионисты же в духе своего контраргумента против слабого иллюзионизма или консервативного реализма скажут, что если содержания этих нейтральных свойств недостаточно, чтобы считать их проявлением феноменального сознания, то это на самом деле физические свойства, данные нам в искаженном, неполном виде⁴.

Во-вторых, иллюзионисты не только ставят перед собой другую проблему, но и, скорее всего, не согласились бы с формулировкой проблемы соотношения сознания и тела, предложенной одним из главных сторонников теории тождества Фейглом. Для него проблема заключается в интерпретации соотношения между «сырыми чувствами» и нейронными процессами [Feigl, 1958]. При этом стоит сделать оговорку о том, что Фейгл – сторонник именно австрийской версии теории тождества, одной из главных особенностей которой является акцент на квалиа или сырых чувствах. Иллюзионистская теория сознания занимает здесь иную позицию как минимум по двум пунктам. То, что называют «сырыми чувствами», на самом деле уже подвержено интерпретации. Ведь – скажет иллюзионист – мы не видим что-то, а потом на внутреннем экране внутренний наблюдатель думает, что же это – книга или ваза. Мы сразу видим именно книгу. Кроме того, перед иллюзионизмом даже не может стоять проблема соотношения этих «сырых чувств» (не беря в расчет отрицание существования их «сырости») и процессов в мозге, поскольку для них это буквально одно и то же, но в первом случае искаженное в ходе интроспективной репрезентации. Кроме того, как уже упоминалось, любые попытки предложить нейтральное понятие для квалиа иллюзионизм считает заранее обреченными на провал, так как у него не будет содержания, отличного от классического понятия или от иллюзионистского понятия квазифеноменальных свойств, которые лишь предрасполагают нас к феноменальным суждениям.

В-третьих, теория тождества ментального и физического в попытке объяснить наш опыт оставляет возможность назвать именно его референтом языков интроспекции и нейронаук. Однако для иллюзионистов главным и единственным референтом обоих способов описания будут физические процессы в мозге, а то, что мы называем субъективным опытом, хотя и не отрицается ими (разумеется, без онтологически особых свойств), но является вторичным, так как

⁴ Все еще ведется дискуссия относительно соотношения интроспективного искажения и неполноты интроспективного знания.

представляет собой простую репрезентацию этих процессов с помощью специальных физических механизмов. В крайнем случае, иллюзионист может указать на иллюзию феноменальности в качестве референта феноменального языка.

В-четвертых, не могу не обратить внимание отдельно на понятие иллюзии, которое выполняет широкий набор функций в теории. От решения старых проблем до постановки новых. Так, например, одним из возражений против теории тождества было указание на неясность главного тезиса ее сторонников. Что значит, что боль тождественна состоянию мозга [Kim, 1966, p. 231]? И, действительно, теоретики тождества, отвечая на подобный вопрос, скорее, стали бы объяснять, что значит их тезис. Но проблема не в смысле их утверждения, а в том, что им предполагается. Если мы скажем, например, что Бог тождественен природе, нас попросят объяснить, каков механизм этого тождества. Какие у него следствия и как оно реализовано. И такую роль выполняет понятие иллюзии. Иллюзионист без проблем сможет объяснить свои ключевые тезисы не только семантически, но и те механизмы, которые вовлечены в реализацию того, что этими тезисами подразумевается. Это, пожалуй, один из самых серьезных шагов вперед в сравнении с теорией тождества. Да, иллюзионистам еще предстоит решить проблему иллюзии и метапроблему иллюзии – объяснить, какие физические процессы стоят за возникновением иллюзии феноменальности, почему она столь сильна и устойчива. Но то, что это трудная задача, не значит, что она невыполнима.

И в-пятых, иллюзионистская программа в гораздо большей степени строится на эпистемологически значимых утверждениях. Да, в своей основе обе теории представляют собой проект физикалистской метафизики в отношении сознания. Однако теория тождества менее заинтересована в особенностях эпистемологической ситуации сознания. Она говорит, что расширять метафизику не нужно, потому что сознание можно вписать и в научную картину мира. Отчасти это можно объяснить отсутствием подробной гипотезы о механизмах, в результате работы которых нам кажется, что сознание не вписывается в физическую реальность. Иллюзионисты же очень много внимания уделяют доказательству того, что на самом деле эпистемологическая ситуация феноменального сознания лишена некоторых из тех уникальных особенностей, которые убеждают реалистов в ее нефизической природе. Но это в свою очередь объясняется и тем, что иллюзионистская теория во многом реагирует на поставленную Чалмерсом трудную проблему, которая и сама в значительной мере является результатом ряда утверждений именно об аномальности и особенности этой эпистемологической ситуации. Именно на непосредственную данность, приватность, безошибочность направлена во многом критика иллюзионизма.

Заключение

Полагаю, приведенных соображений достаточно, чтобы считать иллюзионизм серьезным развитием идей теории тождества. Он предлагает нам новую дискуссию, новые решения новых и старых проблем философии сознания, а также обладает большей объяснительной силой, чем его предшественница, за счет того, что современной теории сознания нужно большее объяснить. В то же время нельзя закрыть глаза и на многочисленные сходства с теорией тождества, которая, по заявлениям и самих иллюзионистов, стала одним из вдохновителей их подхода, который унаследовал как ряд преимуществ, так и проблем теории тождества. Эта история связи двух теорий, рассмотренная в тексте, говорит о том, что создание нового подхода, нового решения проблемы ничего не теряет, оглядываясь на прошлые достижения. Если бы современные иллюзионисты не воспользовались уже пройденным теоретиками тождества путем, то, возможно, им не хватило бы сил на то, чтобы пойти дальше.

Список литературы

Васильев и др., 2021 – *Васильев В.В., Столджар Д., Макгинн К., Франкиш К., Деннет Д., Олсон Э.* Дискуссия. Локальная естественная супервентность и причинность // *Финиковый Компот.* 2021. № 16. С. 2–27.

Васильев, 2021 – *Васильев В.В.* Человеческое сознание и его носители: можем ли мы превратить себя в роботов? // *Вопросы философии.* 2021. № 9. С. 105–117.

Горбачев, 2023 – *Горбачев М.Д.* Иллюзионизм и квалиа // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2023. № 76. С. 18–26.

Иванов, 2011 – *Иванов Д.В.* Модальная метафизика и психофизическая проблема // *Именование, необходимость и современная философия* / Под ред. В.В. Горбатова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 211–223.

Кузнецов, Секацкая, 2018 – *Кузнецов А.В., Секацкая М.А.* Философия Уллина Плейса: от мистицизма к материализму // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* 2018. Т. 2. № 4. С. 181–192.

References

Armstrong, 2022 – Armstrong, D. *A Materialist Theory of the Mind.* Taylor & Francis, 2022.

Boring, 1933 – Boring, E.G. *The Physical Dimensions of Consciousness.* The Century Co, 1933.

Brown, 2022 – Brown, C.D. “Why Illusionism about Consciousness is Unbelievable”, *Ratio*, 2022, vol. 35, no. 1, pp. 16–24.

Carruthers, 2003 – Carruthers, P. *Phenomenal Consciousness: A Naturalistic Theory*. Cambridge University Press, 2003.

Chalmers, 2020 – Chalmers, D. “Debunking Arguments for Illusionism about Consciousness”, *Journal of Consciousness Studies*, 2020, vol. 27, no. 5–6, pp. 258–281.

Chalmers, 1995 – Chalmers, D.J. “Facing up to the Problem of Consciousness”, *Journal of Consciousness Studies*, 1995, vol. 2, no. 3, pp. 200–219.

Chalmers, 1997 – Chalmers, D.J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford Paperbacks, 1997.

Crawford, 2013 – Crawford, S. “The Myth of Logical Behaviourism and the Origins of the Identity Theory”, in: M. Beaney (ed.), *The Oxford Handbook of The History of Analytic Philosophy*. Oxford University Press, 2013, pp. 621–655. 2013.

Dennett, 1988 – Dennett, D.C. “Quining Qualia”, *Consciousness in Contemporary Science*, 1988, pp. 42–77.

Dennett, 2005 – Dennett, D.C. *Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness*. MIT press, 2005.

Díaz, 2021 – Díaz, R. “Do People Think Consciousness Poses a Hard Problem?: Empirical Evidence on the Meta-Problem of Consciousness”, *Journal of Consciousness Studies*, 2021, vol. 28, no. 3–4, pp. 55–75.

Enç, 1983 – Enç, B. “In Defense of the Identity Theory”, *The Journal of Philosophy*, 1983, vol. 80, no. 5, pp. 279–298.

Feigl, 1958 – Feigl, H. “The ‘Mental’ and the ‘Physical’”, *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, 1958, vol. 2, no. 2, pp. 370–497.

Feigl, 1950 – Feigl, H. “The Mind-Body Problem in the Development of Logical Empiricism”, *Revue internationale de Philosophie*, 1950, pp. 64–83.

Frankish, 2012 – Frankish, K. “Quining Diet Qualia”, *Consciousness and Cognition*, 2012, vol. 21, no. 2, pp. 667–676.

Frankish, 2016 – Frankish, K. “Illusionism as a Theory of Consciousness”, *Journal of Consciousness Studies*, 2016, vol. 23, no. 11–12, pp. 11–39.

Frankish, 2022 – Frankish, K. “Illusionism is no Trick”, *Human Affairs*, 2022, vol. 32, no. 3, pp. 321–327.

Frankish, 2017 – Frankish, K. *Illusionism: as a Theory of Consciousness*. Andrews UK Limited, 2017.

Galus, 2023 – Galus, W. “Mind – Brain Identity Theory Confirmed?”, *Cognitive Neurodynamics*, 2023, pp. 1–21.

Goff, 2017 – Goff, P. *Consciousness and Fundamental Reality*. Oxford University Press, 2017.

Gorbachev, 2023 – Gorbachev, M.D. “Illuzionizm i kvalia” [Illusionism and Qualia], *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2023, no. 76, pp. 18–26. (In Russian)

Gozzano, 2023 – Gozzano, S. “Blocking Kripke’s Argument Against the Type-Identity Theory of Mind”, *Acta Analytica*, 2023, vol. 38, no. 3, pp. 371–391.

Gregory, Hendrickx, Turner, 2022 – Gregory, D., Hendrickx, M., Turner, C. “Who Knows What Mary Knew? An Experimental Study”, *Philosophical Psychology*, 2022, vol. 35, no. 4, pp. 522–545.

Humphrey, 2016 – Humphrey, N. “Redder than Red: Illusionism or Phenomenal Surrealism?”, *Journal of Consciousness Studies*, 2016, vol. 23, no. 11–12, pp. 116–123.

Humphrey, 2011 – Humphrey, N. *Soul Dust: The Magic of Consciousness*. Princeton University Press, 2011.

Ivanov, D.V. “Modal’naya metafizika i psichofizicheskaya problema” [Modal Metaphysics and the Psychophysical Problem], in: V.V. Gorbatov (ed.) *Imenovanie, neobkhodimost’ i sovremennaya filosofiya* [Naming, Necessity and Modern Philosophy]. SPb.: Aleteiya Publ., 2011, pp. 211–223. (In Russian)

Jackson, 2012 – Jackson, F. et al. “In Defence of the Identity Theory Mark I”, *New Perspectives on Type Identity: The Mental and the Physical*, 2012, pp. 150–166.

Jackson, 1986 – Jackson, F. “What Mary Didn’t Know”, *The Journal of Philosophy*, 1986, vol. 83, no. 5, pp. 291–295.

Kammerer, 2018 – Kammerer, F. “Can you Believe It? Illusionism and the Illusion Meta-Problem”, *Philosophical Psychology*, 2018, vol. 31, no. 1, pp. 44–67.

Kammerer, 2021 – Kammerer, F. “The Illusion of Conscious Experience”, *Synthese*, 2021, vol. 198, no. 1, pp. 845–866.

Kim, 1966 – Kim, J. “On the Psycho-Physical Identity Theory”, *American Philosophical Quarterly*, 1966, vol. 3, no. 3, pp. 227–235.

Kuznetsov, Sekatskaya, 2018 – Kuznetsov, A.V., and M.A. Sekatskaya. “Filosofiya Ullina Pleysa: ot mistitsizma k materializmu” [The Philosophy of Ullin Place: From Mysticism to Materialism], *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 181–192. (In Russian)

Lewis, 1956 – Lewis, C.I. *Mind and the World-Order: Outline of a Theory of Knowledge*. Courier Corporation, 1956.

Lewis, 1966 – Lewis, D.K. “An Argument for the Identity Theory”, *The Journal of Philosophy*, 1966, vol. 63, no. 1, pp. 17–25.

Libet, 1999 – Libet, B. “Do we Have Free Will?”, *Journal of Consciousness Studies*, 1999, vol. 6, no. 8–9, pp. 47–57.

Nida-Rümelin, 2016 – Nida-Rümelin, M. “The Illusion of Illusionism”, *Journal of Consciousness Studies*, 2016, vol. 23, no. 11–12, pp. 160–171.

Papineau, 2002 – Papineau, D. *Thinking about Consciousness*. Clarendon Press, 2002.

Pereboom, 2011 – Pereboom, D. *Consciousness and the Prospects of Physicalism*. Oxford University Press, USA, 2011.

Place, 1960 – Place, U.T. “Materialism as a Scientific Hypothesis”, *The Philosophical Review*, vol. 69, no. 1, pp. 101–104.

Place, 1990 – Place, U.T. “EG Boring and the Mind-Brain Identity Theory”, *The British Psychological Society, History and Philosophy of Psychology Newsletter*, 1990, vol. 11, pp. 20–31.

Place, 1956 – Place, U.T. “Is Consciousness a Brain Process?”, *British Journal of Psychology*, 1956, vol. 47, no. 1, pp. 44–50.

Rey, 1995 – Rey, R. *The History of Pain*. Harvard University Press, 1995.

Schlick, 1974 – Schlick, M. *General Theory of Knowledge*. Springer Science & Business Media, 1974, vol. 11.

Smart, 1959 – Smart, J.J.C. “Sensations and Brain Processes”, *The Philosophical Review*, 1959, vol. 68, no. 2, pp. 141–156.

Strawson, 2006 – Strawson, G. “Panpsychism?: Reply to Commentators with a Celebration of Descartes”, *Journal of Consciousness Studies*, 2006, vol. 13, no. 10–11, pp. 184–280.

Stubenberg, 1997 – Stubenberg, L. “Austria vs. Australia: Two Versions of the Identity Theory”, *Austrian Philosophy Past and Present: Essays in Honor of Rudolf Haller*. Dordrecht: Springer Netherlands, 1997, pp. 125–146.

Vasilyev, V.V. “Chelovecheskoe soznanie i ego nositeli: mozhem li my prevratit’ sebya v robotov?” [Human Mind and Its Carriers: Is It Possible to Transform Ourselves into Robots?], *Voprosi Filosofii*, 2021, no. 9, pp. 105–117. (In Russian)

Vasilyev, V., Olson, E., Stoljar, D., McGinn, C., Frankish, K., Dennett, D. “Diskussiya. Lokal’naya estestvennaya superventnost’ i prichinnost’” [Discussion. Local Natural Supervenience and Causation], *Date Palm Compote*, 2021, no. 6, pp. 2–27. (In Russian)